

чем-то, кроме его собственного вымысла: он просто рассказывает историю. Этот повествовательный прием представлял особый интерес для некоторых из русских формалистов, которые рассматривали его как «обнажение приема».²⁰ Из произведений как Скаррона, так и Чулкова можно привести много примеров таких отступлений self-conscious narrators. Во вступительной части «Пересмешника» Ладон иронически заявляет, что ему известно, как покорить молодую девицу (в данном случае Аленону), потому что он читал романы, которые «глупых людей исправляют и делают дураками».²¹ Ухаживая за Аленоной, он на коленях произносит страстное объяснение в любви, но чувствует себя все время крайне стесненно, так как он попал коленом на камешек. Затем, когда его мольбы производят свое действие, он признается читателю, что составил свою тираду из отрывков романов и трагедий и что на самом деле считает ее всю страшной чепухой.

Хотя подобные отступления у Чулкова часто не сводятся в систему, этот последний пример, возможно, показывает, что их главной функцией были сатира и пародия. И, кажется, здесь, так же как и в своих бурлесках, Чулков смеется над романами Эмина. Он, по-видимому, уже ощущал, что герои романов Эмина держатся слишком серьезно и ведут себя неестественно. Как уже упоминалось выше, Чулков и Эмин были литературными врагами, и Эмин был главной мишенью бурлескной поэмы Чулкова «Плачевное падение стихотворцев», которая появилась в «И то и сьо» в 1769 г. Эмин, должно быть, почувствовал в «Пересмешнике» пародию на свои собственные произведения и поэтому ввернул шутку, на которую мы сослались в начале статьи, насчет того, что Чулков — русский преемник Скаррона.

Вышеупомянутые примеры бурлескного стиля и применения приема self-conscious narrator не исчерпывают параллелей между Чулковым и Скарроном. Пародийное посвящение Чулкова к короткому, незавершенному роману «Пригожая повариха», как уже отмечал В. Шкловский, основано на подобном посвящении к «Комическому роману».²² Кроме того, один из героев романа Скаррона, Раготен, личность смешная, человек низкорослый, отвратительный поэт, который влюбляется в молодую девушку, по-видимому, послужил образцом для ряда подобных характеров в произведениях Чулкова. Например, Куромша, управитель Владимиры, в «Сказке о рождении тафтяной мушки» также очень маленького роста и пишет унылые элегии к пятнадцатилетней девице. А во втором сатирическом журнале Чулкова «Парнасский

²⁰ См., например, статью В. Шкловского «Пародийный роман. „Триграм Шенди“ Стерна» в его книге «О теории прозы» (М.—Л., 1925, с. 139—161). Также см.: Erlich Victor. Russian Formalism: History Doctrine. S'Gravenhage, 1955 (2-d edition: 1965).

²¹ Русская проза XVIII века, т. I, с. 102.

²² Шкловский В. Чулков и Левшин, с. 114.